

«...И СЛОВО ЭТО НАМ НАПЕЛИ»

Абгарян Н. Ю. Зулали. М.: АСТ, 2016. 315 с.

С первой же изданной книгой Наринэ Абгарян ворвалась в литературный мир страны. Именно ворвалась, потому что произошло это стремительно и совершенно неожиданно — как для читающей публики, так и для самой писательницы.

Начиналось все очень тихо. Лет десять назад Абгарян завела страничку в «Живом журнале» (желая отвлечься от «трагических бухгалтерских будней», как гласит история, опубликованная на портале премии «Аврора»), где делилась с читателями смешными рассказами о детстве. Через некоторое время ее блог привлек внимание редактора издательства «АСТ». Поступило предложение опубликовать книгу, было дано согласие, появилась автобиографическая повесть «Манюня» (2010) — и в одночасье из никому не известного бухгалтера Наринэ Абгарян превратилась в популярного детского писателя. Впрочем, полюбили ее и взрослые: все, о чем пишет Наринэ Абгарян — о своем детстве, о случайных встречах, о людях, которые могли бы существовать в реальном мире и, хочется верить, действительно существуют, — получается по-детски искренним и по-взрослому ироничным. Перед таким сочетанием сложно устоять.

Книга «Зулали», изданная в июне 2016 года, стала для Наринэ Абгарян девятой (но не последней — десятая если еще не вышла, то уже на полпути к читателю). Сборник включает в себя, по словам автора, «две повести и десяток рассказов». Повести вычисляются сразу — рассказами в строгом смысле слова можно назвать не всё: «Люди нашего двора» представляет собой ряд лирических зарисовок, коротеньких ностальгических эссе, а «Взрослое и не очень» — подборку комических новелл.

В большинстве произведений центром, вокруг которого развивается действие, оказываются сильные женские характеры. «Бабья доля во все времена была горше польни...» — думает Мамида, и, наверное, она права. Волевые, тянущие на себе тяготы быта, видевшие много горя или встретившие его впервые жительницы маленьких деревушек в стране, где еще сильны древние патриархальные порядки. Они отстаивают право жить так, как им хочется, и с тем, с кем хочется, борются за свое счастье, учатся любить и принимать себя.

Впрочем, «Зулали» — это книга не столько о женщинах, сколько о людях вообще, их отношениях друг с другом, с миром, с судьбой. Можно сказать, единственное, что в действительности интересует автора, — это люди. Сложные, порой жестокие, упрямые, увязшие в традициях и суевериях, способные выжить из дома тех, кто не соответствует испокон веков существующему укладу. Люди на фоне природы и в гармонии с ней — люди на фоне незатейливого, но хитро обустроенного быта. Деятельные, всегда чем-то занятые, не знающие усталости, не помнящие возраста. Довольно симпатичные, нечуждые смирения и прощения — кто-то больше, кто-то меньше, — и каждого можно понять. В общем, все как в жизни.

Книга получилась густонаселенной, и каждый персонаж, даже намеченный пунктиром, заключает в себе целый мир, из которого автор ловко выхватывает несколько, казалось бы, незначительных деталей. Но и по этим деталям можно восстановить историю пастуха, гонящего стадо мимо салона «Пери», или соседа, позаимствовавшего у Ованеса Бочканц его любимый колун, или Олинки Макаранц, встреченной на рассвете у калитки. «...По большому счету, каждому из нас выпадают одни и те же испытания, и истории у всех одинаковые. Истории одинаковые,

а смысл у каждой свой». Смыслы, может, и разные, но цель точно одна, ведь всегда выходит так, что самое большое счастье в жизни человека — это дети, чьи голоса, пусть даже фоном, звучат в каждом рассказе и повести. Брак без любви, тяжкий труд, разлука, измены, обиды, одиночество и смерть — все можно вытерпеть ради ребенка. Даже чужого.

И порой в вечерней тишине звучат древние легенды и сказки, которые рассказывают взрослые своим детям, в надежде передать им и сохранить в них то наивное и светлое представление о мире, которое отчасти утратили сами и которое очень хотели бы вернуть. Оттого можно сказать, что «Зулали» — это книга о детстве. Как отвлеченном понятии, но весьма конкретном состоянии души — состоянии полной нравственной чистоты, которую сохраняют или к которой стремятся. Когда смотришь вокруг восхищенными глазами, ловишь ртом снежинки, ждешь новогоднего чуда и даже в самые черные дни точно знаешь: завтра новый день. «Зулали», к слову, переводится с армянского как «пречистая». Так зовут героиню одноименного произведения, так называется весь сборник — сборник о чистых сердцем людях. И неважно, кто они, сколько им лет, какова их судьба. Может быть, поэтому в заглавной повести с читателем говорят сразу три разных персонажа: Назарос, мальчик лет восьми, Мамида, женщина без возраста (и вне времени), и сама Зулали — ребенок, запертый в теле взрослого человека.

Произведения, вошедшие в книгу, можно условно разбить на три неравных по объему части, где первая — о жизни армянских деревушек и городков, вторая — о жизни в мегаполисе (Москве? Ереване? В сущности, не так уж и важно), третья — о жизни самой Наринэ Абгарян. И поскольку почти все мысли и воспоминания автора неизбежно тянутся к родной Армении, третья, автобиографическая часть получается тесно связанной с первой.

В это сложное эмоционально-тематическое единство вторгается, разрезая его, череда историй о злоключениях Анны («Тифлинг») и Татьяны («Дама с собачкой»), трогательной любви Максима Григорьевича к его покойной жене («Бегония»). Не то чтобы упомянутые рассказы были неудачными — просто они не из этого сборника. Эта вставка иной, насквозь урбанистической жизни разрушает стройную лирическую линию книги. Не лишены обаяния и с искренней симпатией выписанные персонажи, конечно, соответствуют концепции книги «о горьком и смешном мире людей, которые живут, не замечая времени», но они, кажется, внедрены в нее искусственно. И, как все искусственное, сильно выделяются на фоне природного, естественного, выросшего на почве переживаний и радостей, испытанных в детстве, услышанных в колыбельных, подсмотренных за соседским забором.

В трех названных рассказах нет той щемящей нежности, с которой автор пишет о родном Берде или о какой-нибудь крохотной деревне Салори. Им недостает искренности, живости и ностальгического выдоха, с которым читаешь остальные произведения. По тональности они ближе роману «Понаехавшая», вышедшему пять лет назад, но никак не настоящим на свежести горного воздуха сборникам «Люди, которые всегда со мной» (2014) и «С неба упали три яблока» (2015), органичным (и логичным) продолжением которых стала бы книга «Зулали», если бы... Впрочем, все же стала, ведь после этой сбивки на иноходь книга выравнивает шаг, возвращая утраченный ритм, и заканчивается автобиографическими зарисовками, пронзительными в своей простоте.

По прошествии времени, когда первое впечатление от книги превращается в мнение о ней, становится понятно, что можно примириться с рваной линией ее содержания: даже выбившиеся из общего строя рассказы словно пропитываются общим очарованием. Единственное, что никак не дает покоя, — это присутствие в сборни-

ке «Ключника Ганса». Зачем он здесь? К чему его жена, отличающаяся особо тонкой душевной организацией?

Вероятно, это был своеобразный эксперимент, попытка выбраться из «зоны комфорта» и создать что-то совершенно отличное от того, что писала Наринэ Абгарян ранее и благодаря чему она приобрела известность. Но, говоря откровенно, «Ганс» — самое слабое произведение из всех собранных в книге. Оно напоминает комедию характеров, запутавшуюся в исторических декорациях и явно не доведенную до ума. Гипертрофированность характеров и принципиальная нелепость героев чужды этой книге полутонов. С одной стороны. С другой — если именно так и задумывала автор, то почему она не сделала окончательный шаг в сторону гротеска, не привела к тому самому «трэш», которого не хватает Гансу в его маленьком раю?

Неубедительно выглядит и попытка автора описать происходящее с точки зрения мужчины, что особенно заметно в главке «Сублимация убийства. Истинно мужской рассказ»: получилось что-то невнятное, в духе «я думаю, что мужчина именно в этом случае подумал бы именно так, именно такими словами». О степени сходства получившегося с реальным ходом мыслей судить не берусь, пусть читатель (для чистоты эксперимента — мужчина) сам решит, если, конечно, возьмется за эту книгу.

Как бы то ни было, Наринэ Абгарян можно простить даже «Ключника Ганса» (которому впрямую остаться в ЖЖ) — сложно не поддаться обаянию ее прозы, этому сплаву ребяческого смеха, грустных улыбок, горькой слезы и светлых надежд. Принято считать, запоминается последнее, а потому «Зулали» сохраняется в памяти последними строками, которые, по счастью, созвучны настроению этой книги: «Что остается, кроме запахов-вкусов-цветов, что, бережно храня, передают нам материпрародительницы? Только колыбельные. Вначале было слово, и слово это нам напели».

Екатерина ЗУЕВА